ЗЛАТА ЗОЛОТАРЁВА

БРОСИЛ У РОДДОМА

«Ты мне больше не нужна»

Злата Золотарёва

Бросил у роддома

«Автор»
2026

Золотарёва З.

Бросил у роддома / З. Золотарёва — «Автор», 2026

— Ты мне больше не нужна.Муж выкинул мою сумку в лужу у роддома. Свекровь сняла с моего пальца обручальное кольцо: «Это семейное». Его любовница в белой шубе торопила «котика» из машины. А у меня на руках был трёхдневный сын и четыреста двенадцать рублей на карте.Через час я узнала, что у меня был дед. Он умер утром и оставил мне всё.Прошло пять лет. Теперь я вхожу в переговорку, где бывший муж ждёт инвестора. У меня в руках все его долги, а за руку меня держит сын с его носом.У Кирилла неделя. Но его мать уже решила забрать моего ребёнка через суд. И, кажется, ту ночь у роддома она спланировала задолго до родов.

© Золотарёва З., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Инвестор 8
Глава 2. Неделя 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Злата Золотарёва
Бросил у роддома

Бросил у роддома
16+

Пролог

Сумка падает в лужу у моих ног. Молния расходится, и на мокрый асфальт вываливаются пачка памперсов и детская шапочка. Следом шлёпается моя зарядка.

— Ты мне больше не нужна.

Кирилл говорит это под козырьком роддома, где сухо. Я стою на ступеньке ниже, где льёт.

На руках у меня сын. Ему три дня. Он спит в голубом конверте, который я купила на «Вайлдберриз» за две тысячи сто рублей и неделю выбирала цвет ленты.

— Кирилл… — Голос у меня садится. — Это твой сын.

Он даже не смотрит на конверт. Смотрит на часы.

Слева раскрывается зонт. Большой, чёрный, с деревянной ручкой. Под ним Тамара Павловна, моя свекровь. В бежевом пальто, с укладкой, которую не берёт никакой дождь.

— Тест ДНК покажет, — говорит она. — Ключи.

— Какие ключи?

— От квартиры, Алина. На Профсоюзной. Квартира моя, если ты забыла.

Я не забыла. Я там два года мыла полы и выбирала шторы. Она приходила раз в неделю и проводила пальцем по подоконнику.

Ключи у меня в кармане куртки. Я достаю их одной рукой, второй прижимаю Мишу. Брелок с Эйфелевой башней. Кирилл привёз его из Парижа, когда ездил туда «по работе».

Тамара Павловна забирает связку двумя пальцами. Потом протягивает ладонь ещё раз.

— И кольцо.

— Что?

— Это семейное. Бабушкино. Тебе оно ни к чему.

Я смотрю на Кирилла. Ну скажи хоть что-нибудь. Ты же его надевал мне в загсе на Бутырской, ты же плакал тогда, я видела.

Кирилл молчит.

Кольцо не снимается. Пальцы опухли после родов, и я кручу его, кручу, пока кожа не начинает гореть. Свекровь ждёт. Миша ворочается и хнычет.

Наконец кольцо поддаётся. Она убирает его в сумочку, щёлкает замком. Как будто сдачу в магазине положила.

У тротуара сигналит белый «Мерседес». Из окна высовывается девушка в белой шубе. Шуба в сентябре. Светлые волосы, губы уточкой, как на рекламе косметолога.

— Котик, мы опаздываем!

Котик. Это она ему.

Я узнаю её. Карина, новая помощница Кирилла. Та самая, которая присылала ему в одиннадцать вечера «отчёты».

— Сейчас, зай, — бросает Кирилл через плечо.

Зай. А меня он звал Алёнкой.

Он достаёт из внутреннего кармана сложенный лист и ручку.

— Подпиши. Отказ от алиментов. Я тебе по-человечески предлагаю, Алин. Ты мне ничего, я тебе ничего. Разойдёмся тихо.

— По-человечески?

— Ну а как? Ты же не знаешь, от кого он.

Я знаю. Он тоже знает. Я по ночам считала с ним шевеления и записывала их в заметки на телефоне.

Лист намокает у меня в руке. Буквы мелкие, текста много, на две страницы. Половину я даже не могу прочитать в темноте.

Я рву его. Пополам, потом ещё раз. Мокрая бумага рвётся легко, как салфетка.

Кирилл смотрит на клочки у своих ботинок.

— Тогда ни копейки, — говорит он.

И уходит под дождь к машине. Даже не бежит. Тамара Павловна идёт за ним, держит зонт над его головой. Над своим мальчиком.

Хлопает дверь. «Мерседес» трогается, заезжает колесом в лужу у бордюра, и меня с ног до головы обдаёт грязной водой.

Я успеваю закрыть Мишу собой. Вода затекает мне за воротник, в рукава, в кроссовки.

Миша просыпается и кричит.

— Тише, тише, зайчик.

А куда мне теперь? Денег на карте четыреста двенадцать рублей. Телефон сел ещё в палате. Тётя Люба в Твери, но у неё однушка, и муж пьёт.

Я присаживаюсь на корточки и одной рукой запихиваю памперсы обратно в сумку. Молния не застёгивается.

Охранник роддома курит у двери и смотрит в сторону. Как будто тут ничего не происходит.

Фары. Длинные, белые.

К тротуару подъезжает чёрная машина. Большая, тихая, с номерами из трёх одинаковых цифр. Задняя дверь открывается, и выходит пожилой мужчина в тёмном пальто. Седой, с аккуратной бородкой. Над ним сразу вырастает зонт: держит водитель.

Он идёт прямо ко мне.

— Алина Сергеевна?

Я встаю. Сумка висит на руке, из неё торчит пачка памперсов.

— Вы кто?

— Борис Ефимович Кац, адвокат. — Он смотрит на Мишу, потом на меня. Глаза у него уставшие и очень внимательные. — Ваш дед искал вас двадцать лет.

Я смеюсь. Ничего не могу с собой сделать, просто смеюсь, мокрая, грязная, с орущим ребёнком на руках.

— У меня нет деда.

— Был, — спокойно говорит Борис Ефимович. — Он умер сегодня утром.

Водитель подносит зонт ближе, и дождь перестаёт стучать мне по голове.

— Вы его единственная наследница.

Глава 1. Инвестор

— Мам, это тот дядя, который нам должен?

Миша говорит это на весь переговорный зал. Громко, с выражением, как стишок в садике.

Восемь человек за длинным столом поворачиваются к нам. Восемь пар глаз. Мне нужна только одна.

Кирилл стоит у окна с чашкой кофе. Пять лет прошло, а он всё так же держит чашку за корпус, а не за ручку. Всё так же ставит одну ногу чуть вперёд, когда хочет казаться выше.

Чашка замирает у его губ.

— Да, солнце, — говорю я. — Это он.

Я прохожу к столу. Белый брючный костюм, каблук девять сантиметров. Волосы я убрала гладко назад. Утром я сорок минут стояла перед зеркалом и меняла серьги. Остановилась на маленьких гвоздиках. Чтобы не было видно, как сильно я старалась.

Миша идёт рядом, держит меня за палец. На нём синяя толстовка с динозавром и кроссовки с мигающими подошвами. Он сам выбирал. Я решила не спорить: пусть мигают.

— Алина? — Кирилл ставит чашку на подоконник. Мимо блюдца. — Ты что тут… Здесь закрытая встреча. Мы ждём инвестора.

— Я знаю.

Я сажусь во главе стола. В кресло, которое явно поставили для гостя.

Финансовый директор Кирилла, лысоватый Олег Викторович, роняет ручку. Юрист, худая женщина в очках, открывает и закрывает рот.

Борис Ефимович входит следом за мной и садится справа. Он постарел за эти годы, бородка совсем белая. Кладёт на стол тонкую кожаную папку и аккуратно выравнивает её по краю.

— «Громов Капитал», — говорит он. — Мы вам писали.

Кирилл смотрит на него. Потом на меня. Потом опять на него.

Я вижу, как до него доходит. Медленно, как до Миши, когда ему объясняешь, почему нельзя мороженое на ужин.

— Это шутка какая-то.

— Сядь, Кирилл.

Он не садится. Конечно. Воронцовы не садятся, когда им говорят.

* * *

Пять лет назад я не знала, что такое «Громов Капитал». Я вообще не знала, кто такой Громов.

В ту ночь Борис Ефимович отвёз нас в гостиницу на Тверской. Номер с двумя кроватями и видом на Кремль. Я помню, что первым делом выстирала Мише конверт в раковине гостиничным шампунем. Потом сидела в халате на полу и смотрела, как он сохнет на батарее.

Утром Борис Ефимович положил передо мной фотографию.

Мужчина лет семидесяти. Широкое лицо, густые брови. И нос. Мой нос, с той же горбинкой, которую я в школе ненавидела.

— Лев Аркадьевич Громов, — сказал он. — Отец вашей мамы.

Мама никогда о нём не говорила. Сказала один раз, когда мне было восемь: «У нас с тобой никого нет, Алинка. Только мы». А через два года её не стало, и меня забрала тётя Люба.

— Они поссорились, когда ваша мама вышла замуж за вашего папу, — объяснил Борис Ефимович. — Лев Аркадьевич был человек тяжёлый. Он потом двадцать лет пытался всё исправить. Нанимал детективов. Вас как будто кто-то прятал.

Тогда я не обратила внимания на это «как будто». Зря.

Наследство было огромным. Лесопилки в Архангельской области, порт, склады, доля в банке. Цифры я не запомнила, у меня в голове просто не помещалось столько нулей.

И было условие.

— Пять лет, — сказал Борис Ефимович. — Пять лет вы работаете в компании. Учитесь. Я управляю всем по доверенности. Через пять лет совет директоров голосует. Если вы справились, всё ваше. Если нет, деньги уходят в благотворительный фонд.

— А если я не хочу?

— Тогда фонд получит всё сразу.

Миша заплакал в кроватке. Я встала, взяла его на руки и посмотрела в окно на красные стены.

Четыреста двенадцать рублей на карте. Мокрые памперсы в сумке.

— Я хочу.

* * *

— Ты купила мои долги, — говорит Кирилл.

Не спрашивает. Он наконец сел. На край стола, мимо кресла. Так он сидел на всех наших семейных праздниках, когда хотел показать, что он тут главный.

— Все, — киваю я. — Кредит в «ВТБ», кредит в «Альфе», облигации, долг перед подрядчиком за ЖК на Рязанке. Шестьсот сорок миллионов рублей.

Олег Викторович издаёт звук, как сдувающийся мяч.

— Это невозможно. Банк не мог продать…

— Банк мог, — говорит Борис Ефимович. — Банк был очень рад.

Я открываю папку и разворачиваю к Кириллу первый лист.

— У тебя неделя. Ровно семь дней. Либо ты возвращаешь всю сумму, либо «Воронцов Девелопмент» переходит мне. С офисом, с проектами и с этим столом.

Кирилл смотрит на лист. Я знаю это лицо. Так он смотрел на счёт в ресторане, когда мы ещё встречались и ему не хватало денег.

— Ты это из мести.

— Нет, из бизнеса. Твоя компания стоит дороже долга. Я хорошо считаю, Кирилл. Научилась.

Вру. Конечно, из мести. Но ему об этом знать не надо.

Миша всё это время стоит у моего кресла и разглядывает Кирилла. Внимательно, сощурившись. Так он смотрит на жуков во дворе.

— Миш, пойдём, посидишь вон там, порисуешь.

Я протягиваю ему планшет. Он не берёт.

Кирилл встаёт со стола. Делает шаг к нам. Я вижу, как он смотрит на сына. Первый раз за пять лет.

Он видел Мишу один раз. Конвертом. Издалека.

— Сколько ему?

— Тебе какая разница?

— Сколько ему, Алина?

— Пять.

Он садится перед Мишей на корточки. Дорогие брюки натягиваются на коленях. От него пахнет тем же парфюмом, «Терр д'Эрмес». Я когда-то дарила ему этот флакон на Новый год. Пять лет прошло, а он не сменил запах.

Мне это не нравится. Мне очень не нравится, что я это помню.

— Привет, — говорит Кирилл Мише. — Как тебя зовут?

Миша молчит. Смотрит на его лицо, на брови, на подбородок.

Потом поворачивается ко мне.

— Мам, а почему у дяди мой нос?

Глава 2. Неделя

— Носы у всех похожие, — говорю я. — Пойдём, Миш.

Голос у меня ровный. Я горжусь этим голосом. Я его пять лет тренировала на совещаниях с мужиками, которые называли меня «девочкой».

Кирилл так и сидит на корточках. Смотрит на Мишу, как будто ему показали фокус и он не понял, где спрятана монета.

— Алина, подожди.

— Неделя, Кирилл. Семь дней. Документы у твоего юриста.

Я беру сына за руку и иду к двери. Каблуки стучат по паркету. Четыре шага до двери. Только не оглядываться.

Я не оглядываюсь.

В коридоре Миша дёргает меня за палец.

— Мам. А он правда нам должен?

— Правда.

— Много?

— Очень.

— Больше, чем мне на «Лего» с поездом?

— Немножко больше, зайчик.

Борис Ефимович остаётся в зале. Ему ещё объяснять юристам, где подписать, что получено. Мы с Мишей идём к лифтам. Двадцать третий этаж «Москва-Сити», башня «Око». Кирилл всегда мечтал об офисе здесь. Он взял его в аренду три года назад. Под залог тех самых кредитов.

Лифт едет долго. Миша прижимается лбом к стеклянной стене и смотрит вниз на машинки.

Я слышу шаги за углом. Быстрые, злые. Кирилл.

Он нас не видит, лифтовый холл буквой «Г». Останавливается у окна и звонит кому-то по громкой связи. Он всегда так делал, когда нервничал. Ходил с телефоном на вытянутой руке, как с подносом.

— Мам. Это я.

— Ну что, подписал с инвестором? — голос Тамары Павловны. Я узнала бы его из тысячи. Сухой, чуть в нос.

— Мам, инвестор — это Алина.

Пауза.

— Какая Алина?

— Моя Алина. Бывшая. Она купила все долги. У неё «Громов Капитал».

Ещё пауза. Длиннее. Я жду, что она начнёт кричать, но она молчит. А потом спрашивает очень спокойно:

— Она одна приходила?

— С ребёнком. Мам, он… Он на меня похож. Очень. Нос, глаза, всё. Ты говорила, что он не мой.

— Я говорила, что надо проверить.

— Ты говорила, что Алина гуляла!

— Не кричи на мать. — В трубке что-то звякает, ложечка о чашку. — Если похож, тем лучше. Тогда мы его заберём.

Я перестаю дышать.

— В смысле заберём?

— В прямом. Суд отдаст ребёнка отцу, Кирилл. У отца квартира, работа, семья. А у неё что? Деньги чужого деда и никакого образования. Я поговорю с Ильёй Марковичем.

Лифт звякает и открывает двери. Миша тянет меня внутрь.

Кирилл оборачивается на звук. Видит меня.

Двери закрываются раньше, чем он успевает что-то сказать.

* * *

Первый год в «Громове» я не понимала половину слов. Дебиторка. Маржа. Ковенанты. Я записывала их в блокнот с котиком на обложке и вечером гуглила, пока Миша спал.

Борис Ефимович отправил меня в Архангельск. На лесопилку в Соломбале, бухгалтером на склад. Про кабинет он даже слушать не стал.

— Сначала посмотрите, откуда деньги берутся, — сказал он. — Потом будете их считать.

Я жила в съёмной двушке на Набережной Северной Двины. Миша ходил в ясли за углом, а я каждый день в семь утра ехала на склад в автобусе номер десять. Там пахло смолой и мокрыми опилками. Мужики в оранжевых жилетах сначала звали меня «внучкой», потом «Сергеевной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.